

Е.Е. Приказчикова

Уральский государственный университет

**Фаворитизм как культурно-исторический
и литературный феномен
России второй половины XVIII века**

Аннотация: В статье рассматривается культурно-исторический феномен фаворитизма и его отражение в русской литературе II половины XVIII века. Автор выделяет несколько этапов литературного осмысления этого явления русской жизни, которое зависело не только от специфики жанровой парадигмы русской литературы эпохи Просвещения, но и от личности самих фаворитов. Особое внимание автор уделяет мемуарно-автобиографической литературе эпохи, в которой наиболее ярко находит отражение личностное начало восприятия автором действительности.

The article deals with historico-cultural phenomenon of favouritism and its reflection in Russian literature of the second half of the 18th century. The author singles out some stages of literary comprehension of this phenomenon which depended not only on specific character of a paradigm of genre in Russian literature of the Age of Enlightenment but also on personalities of favourites. Special attention is given to autobiographical memoirs of the epoch which reflect vividly "personal" comprehension of reality by the author.

Ключевые слова: гинеκραтический миф, российский матриархат, игра фортуны, герой-фаворит, фаворит-вельможа, потемкинский фольклор, инкорпоративность мифологического сознания.

Gynaecratic myth, Russian mothriarchy, play of fortune, hero-favourite, favourite-all-powerful man, Potjomkin's folklore, incorporative mythlogical mentality.

УДК: 821.161.1–94.

Контактная информация: Екатеринбург, ул. Ленина, 51. УрГУ, кафедра фольклора и древней литературы. Тел. (343) 3507592. E-mail: miegatalogos@yandex.ru.

Одно из важнейших мест среди культурных мифов второй половины XVIII века занимает гинеκραтический миф – миф об исключительной власти и силе, которой обладает женщина и которую она распространяет на окружающих ее людей, прежде всего мужчин. Одним из первых термин «гинекократия» впервые использовал французский эмигрант и мемуарист Ш. Массон в «Тайных записках о России», написанных в начале XIX века и характеризующих культурно-историческую ситуацию екатерининской эпохи. Гинеκραтическое начало как нельзя лучше характеризует ситуацию «российского матриархата» (термин Н. Пушкиревой) XVIII века, пик которого приходится на эпоху Екатерины II. В это время в России, по мнению Ш. Массона, «женщины уже заняли первенствующее место при дворе, откуда первенство их распространилось и на семью, и на общество» [Массон, 1996, с. 142].

Статусом удачливого мужчины в этом «женском» мире был статус фаворита. Он не имел аналогов в европейской практике, был принципиально далек от «пом-

падурства» в его европейской традиции, когда женщины-фаворитки были активными участницами закулисных политических интриг, могли «в определенных случаях влиять на ход дипломатических переговоров, выражая интересы той группировки при дворе, к которой они сами принадлежат» [Смольянинова, 2002, с. 17].

В России мужчина-фаворит – это, прежде всего, «вельможа», т.е. человек, который действительно «много может». В идеале – это не только мужчина, которого допускают на ложе императрицы, но это еще и полководец, и государственный деятель. Не глава партии, но исключительная личность, находящаяся «вне» или «над» партийными интересами. А.Ф. Строев справедливо отмечал: «Чтобы преуспеть в России, можно выбрать два пути, две манеры поведения: приблизиться к государыне и, “попав в случай”, рискнуть совершить стремительное восхождение, либо терпеливо служить [Строев, 1998, с. 310].

Необходимость для женщин-императриц твердой мужской руки хорошо почувствовал польский историк К. Валишевский, когда он писал о Екатерине II: «Как ни была сильна воля Екатерины, как ни был тверд ее ум и высоко то представление, которое она составила себе и сохранила до конца жизни о своих способностях и дарованиях..., она считала необходимым укрепить их силою мужского ума, мужской воли, хотя бы этот ум и воля стояли в отдельных случаях ниже ее собственных» [Валишевский, 1994, с. 379].

Тем не менее, «случай» фаворита был очень изменчив и полностью зависел от благорасположения государыни, чья кажущаяся или действительная немилость сразу же приводили к закату «счастья» временщика. Замечательной иллюстрацией к этим словам может служить история, рассказанная в «Записках» Л. Энгельгардта, племянника и адъютанта Г. Потемкина. Л. Энгельгардт вспоминает, как в 1783 году в результате интриг княгини Е. Дашковой и молодого фаворита А. Ланского «государыня оказала к Потемкину немилость». В результате «из придворных, так и прочих знатных людей никто у него не бывал; а сему следуя, и другие всякого звания люди его оставили; близ его дома ни одной кареты не бывало; а до того вся Миллионная была заперта экипажами, так что трудно было и проезжать» [Энгельгардт, 1997, с. 41]. Однако затем императрица сменила гнев на милость и, разобравшись с клеветой, возвратила Потемкину свое благорасположение вместе с указом о пожаловании его президентом военной коллегии, то есть фельдмаршалом. Л. Энгельгардт пишет: «...он встал с постели, надел мундирную шинель, повязал на шею шелковый розовый платок и пошел к императрице, как он хаживал к ней по утрам. Не прошло еще двух часов, как уже все комнаты его были наполнены, и Миллионная снова заперлась экипажами; те самые, которые более ему оказывали холодности, те самые более перед ним пресмыкались» [Там же, с. 41]. Самое интересное, что и Г. Потемкин, и пресмыкающиеся перед ним придворные, да и сам мемуарист воспринимали подобную «игру фортуны» как само собой разумеющееся.

Это как раз та атмосфера, в которой протекала жизнь знаменитого Максима Петровича из комедии А. Грибоедова «Горе от ума», и которая была заклеяна драматургом под именем «века минувшего».

Именно Екатерина II превратила институт фаворитов из альковной тайны в открытое, почти государственное учреждение, функционирующее по своим законам и правилам. Как писала О. Чайковская: «...при Екатерине фаворитизм, это дитя самодержавия и фривольности... оформился в некое учреждение (современники называли это «известная должность»). В Зимнем дворце были особые покои, куда переезжал очередной фаворит, который уже самим фактом своего фавора как бы включался в государственную систему – у него была своя канцелярия, к нему являлись на доклад вельможи: порой сама Екатерина, прежде чем решить тот или

иной вопрос, посылала бумаги для предварительного решения фавориту» [Чайковская, 1990, с. 109]¹.

В эпоху Екатерины II о фаворитах (братьях Орловых, Потемкине) писали зачастую не меньше, чем о самой императрице. При этом общий диапазон их оценок и жанровая парадигма использования их образов были необычайно широки: от сатирической «Войны Орлов» А. Сумарокова до духовных од Г. Державина, посвященных Г. Потемкину, например, оды «Победитель», от «Фелицы» и «Вельможи» Г. Державина до его же «Афинейского витязя». Образ Г. Потемкина вдохновил Г. Державина на создание «Водопада», в России появляется комедия Я. Княжнина «Хвастун», непосредственно посвященная вопросам «русской фортуны». Сатирические образы вельмож-фаворитов появляются в «Путешествии из Петербурга в Москву» А. Радищева и в трактате М. Щербатова «О падении нравов в России». Наконец, тема фаворитизма становится одной из основных тем русской мемуаристики. Достаточно вспомнить «Записки» княгини Е. Дашковой.

Одним из первых к проблеме фаворитизма при дворе Екатерины II обратился французский мемуарист Ш. Массон в начале XIX века. В соответствии с традицией европейского либертизма, он связывал появление этого феномена русской государственности исключительно с мифическим распутством Екатерины II в духе царицы Савской или жриц Кибелы, Цереры и Исиды, для которой «мужчина часто был... лишь орудием сладострастия» [Массон, 1996, с. 62]².

Тем не менее, Ш. Массон из чувства справедливости считал своим долгом опровергнуть самые чудовищные слухи о Екатерине II, «которые распространялись по Европе об ее оргиях, о шампанском и водке, которыми она напивалась, о гренадерах, которых она к себе приводила» [Там же, с. 46]. Подобные и «сотни других рассказней – чистейшая клевета» [Там же], – уверяет он.

Французский мемуарист попытался дать описание основных 12 фаворитов императрицы, четко выделив среди них две категории «могучих» и «ничтожных». Первые «обнаруживали честолюбие, смелость и в особенности самонадеянность, приобретали громадный вес в государстве» [Там же, с. 62]. Вторые «ограничиваясь несением основной службы и не имея никаких других достоинств, кроме умения хорошо ее выполнять, не пользовались влиянием за пределами спальни, ванной, комнаты и будуара» [Там же, с. 61].

Именно «ничтожные» фавориты Екатерины II, к числу которых Ш. Массон относит П. Завадовского, И. Корсакова, А. Ланского, А. Васильчикова, в конечном счете, способствовали появлению традиции сатирического изображения феномена фаворитизма как такового в русской словесности.

Так, украинский шляхтич Г. Винский, сосланный по приказу Екатерины II в конце 70-х годов XVIII века «в Оренбург навечно», смог раньше многих своих современников оценить конечные итоги «блестящей» эпохи Екатерины II, приложив немало усилий для разрушения мифа о «золотом веке» ее правления. Он создает одну из самых гневных инвектив русской литературы, в которой пишет об императрице и ее фаворитах: «Императрица, учредив же утешников своей ненасытимой похотливости важнейшими государственными чиновниками, ругалась

¹ Интересно, что в эпоху императрицы Елизаветы Петровны, и тем более в эпоху Анны Иоановны, образ фаворита-вельможи еще не воспринимался как тема поэтическая, которая находила бы отражение в литературе своего времени. Это была личная тайна и слабость императрицы, даже если ее фаворит вызывал всеобщий страх и ненависть, как, например, герцог курляндский Э. Бирон.

² Вообще, мифы о чудовищной и извращенной сексуальности русских находили свое отражение в европейской литературной традиции XVIII века. Достаточно вспомнить роман маркиза де Сада «История Жюльетты» (1790), где появляется фигура «Московита» по имени Минский, чудовищного садиста, замучившего целый гарем сексуальных рабов. Екатерина II же в романе организует в Санкт-Петербурге изощренные садистские оргии.

бессовестно не только над своими подданными, но над целым, можно сказать, человечеством. Тогда, наряду с другими, и я поклонялся сим божкам. Не видел в них иного, кроме красоты, сияния, могущества. Теперь, по рассеянии тумана, когда люди и их деяния представляются мне в настоящем своем виде» [цит. по: Большаков, 1988, с. 46]. Князь М. Щербатов, известный публицист второй половины XVIII века в своем труде «О повреждении нравов в России» утверждал, что «каждый любовник (Екатерины. – *Е.П.*)... каким-нибудь пороком за взятые миллионы одолжил Россию» [Щербатов, 1983, с. 83].

Спустя несколько десятилетий А. Герцен так отозвался об этом «моралистическом и критическом памфлете» [Вагеманса, 1989, с. 107] М. Щербатова, написанном в 1786–1787 гг.: «Вот мир, о котором наши деды и отцы вспоминали с умилением, – мир, в котором жил Щербатов, – всякому честному человеку должна была древняя Русь показаться чистой и доблестной в сравнении с этим бесстыдным развратом, с этим переходом Руси допетровской в новую Русь – через публичный дом» [Герцен, 1958, с. 276].

И все же не в словах А. Герцена о «публичном доме» екатерининского правления следует искать разгадку феномена русского фаворитизма. Екатерина II, безусловно, смотрела на своих фаворитов не как на «одушевленные фаллосы» жриц богини Кибелы, в чем был уверен Ш. Массон. На основных своих фаворитов она склонна была смотреть как на своих законных мужей. От Г. Орлова она имела признанного ею самой сына графа Василия Григорьевича Бобринского, а с Г. Потемкиным Екатерина II была даже тайно обвенчана.

Наибольшее отражение в русской литературе второй половины XVIII – начала XIX веков получили образы Г. Орлова (шире – братьев Орловых) и Г. Потемкина, по праву считающихся наиболее могучими и талантливыми любимцами императрицы.

При этом если образ Г. Орлова практически всегда позитивно маркирован, то по отношению к Г. Потемкину выявляется целый спектр противоположных оценок, создающих, безусловно, неоднозначный и противоречивый образ Светлейшего.

Ш. Массон ставил Григория Орлова, «чей фавор был таким продолжительным и блестящим» [Массон, 1996, с. 66], и который, «по-видимому, *разделял с ней трон*» [Там же] на первое место среди фаворитов императрицы. По мнению мемуариста, «в его характере было много благородства и твердости» [Там же]. Самым впечатляющим подвигом Г. Орлова Ш. Массон считал его поездку в чумную Москву в 1771 году для водворения там порядка. По этому случаю была отчеканена большая медаль. «Он представлен здесь в образе Курция, бросающегося в бездну, с такой подписью: “И Россия рождает таких детей”» [Там же, с. 67]. В письме к Вольтеру от 17 декабря 1768 года, рассказывая о том, как она привила оспу себе и своему сыну Павлу, Екатерина II так характеризует поведение графа Г. Орлова, также решившегося на эту «операцию»: «Генерал Фельдцейгмейстер граф Орлов, Герой, уподобляющийся тем древним Римлянам, кои существовали в цветущем состоянии республики, и имеющий свойственную тем временам храбрость и великодушие... <...> ...на другой день после операции ездил на охоту в превеличайший снег, примеру его последовали многие придворные» [Философская... переписка, 1802, с. 42]. Вольтер, прекрасно понявший замысел императрицы героизировать образ своего фаворита, тонко подыграл ей. В ответном письме из Фернея философ писал: «Граф Орлов, будучи уже в оспе, поехал на охоту, не взирая на снег; подобным же образом поступил бы и Сципион, ежели бы сия распространившаяся из Аравии болезнь в его время существовала» [Там же, с. 52].

Античные проекции образа Г. Орлова и его братьев нашли свое яркое отражение в русской поэзии. Так, Г. Державин видел Алексея Орлова, Чесменского победителя, в образе «афинейского витязя», воспевая его в традициях пиндариче-

ской оды. При этом Г. Державин выбирает из его жизни эпизод, когда тот мог наиболее естественно проявить лучшие черты своей многогранной натуры: мужество, удачу, необыкновенную физическую силу. Речь идет о знаменитой карусели (турнире) 14 июня 1766 года, устроенной по предложению братьев Орловых, когда А. Орлов, подобно Милету Кротонскому, демонстрировал исключительную силу: своею «жилистой рукой Он шесть коней на ипподроме Вмиг осаждал в бегу» [Державин, 1957, с. 242].

Сам поэт в «Объяснениях», комментируя этот текст, замечал, что, описывая, как «афинейский витязь» «Минерву удержал в паденье», имел в виду совершенно конкретный случай: «Граф Орлов спас императрицу Екатерину от неизбежной смерти, когда в Царском Селе на устроенных деревянных высоких горах каталась она в колеснице и выпрыгнуло из колеи медное колесо: граф, стоя на запятках, на всем раскате, спустя одну ногу на сторону, куда упала колесница, а рукой схватясь за перилы, удержал от падения оную» [Державин, 1870, с. 669].

Естественной кульминацией героизации образов братьев Орловых является поэма М. Хераскова «Чесмесский бой», где подвиги братьев Орлов оказываются полностью вписанными в контекст героической мифологии античности, усиленной тем обстоятельством, что война России с Блистательной Портой мыслится, прежде всего, как война за свободу Греции. «Северные орлы», «новые Тезеи, Сципионы», посланные Минервой в Архипелаг, у М. Хераскова имеют достойнейших предводителей в лице братьев Орловых, Алексея и Федора, являющихся воплощением воинских доблестей. Так, об А. Орлове М. Херасков пишет:

Является вдали мне Марсово лице;
Конечно, то Орлов? Он зрится мне в венце! <...>
Се честь отечества! его злодеев страх! <...>
О вас известен свет, о, храбрые Орловы!
[Херасков, 1961, с. 150].

Екатерина II в 1785 году, сообщая своему корреспонденту И. Циммерману о смерти Г. Орлова, вспоминала о нем и о его брате Алексее исключительно в героическом ключе. Императрица писала: «Его храбрость, его геройские доблести имели прекрасный случай выказаться в их истинном свете... <...> ...вы получите медаль, выбитую в честь его брата, в память славной Чесменской битвы, которая надолго обрекла морские силы блистательной Порты совершенному бездействию» [Екатерина II, 1887, с. 282].

Таким образом, в культурном пространстве русской словесности творится миф о *герое-фаворите*, боге Марсе, служащем российской Минерве. При этом не имеет принципиального значения то обстоятельство, что фаворит Екатерины Г. Орлов не был сам участником Чесменского сражения. «Екатерининские Орлы», братья Орловы, возведшие Екатерину II на престол, в соответствии с принципом инкорпоративности мифологического мышления очень часто воспринимались современниками как единое целое, как в положительном, так и в отрицательном смысле.

Образ Григория Потемкина – *фаворита-вельможи* – в наибольшей степени воплощал собой мужской извод гинекратического мифа, каким он сложился в России во второй половине XVIII века. Это был человек, который *фактически*, а не только в соответствии с уже установившейся традицией героизации образа фаворита, воплощал собой представление о мужской власти, силе и фортуна в государстве, где правила такая необыкновенная женщина, как Екатерина II.

Хорошо знавший реалии русской придворной жизни, Ш. Массон так писал о Г. Потемкине и Екатерине II: «Эти два великих характера казались созданными друг для друга: они любили друг друга и сохраняли взаимное уважение, перестав

быть любовниками; политика и честолюбие продолжали связывать их тогда, когда страсть уже освободила их от своих уз» [Массон, 1996, с. 68].

Исключительное место, которое занимал Г. Потемкин среди других фаворитов императрицы, во многом объяснялось не только величием его характера, колоритностью его фигуры, но и тем, что он наиболее полно воплощал собой русский национальный тип со всеми его достоинствами и недостатками. Например, Ш. Массон приводил в своих записках мнение принца де Линя, знаменитого государственного деятеля и путешественника, который говорил о Г. Потемкине: «В этом характере есть и гигантское, и романтическое, и варварское» [цит. по: Массон, 1996, с. 69]. А. Рибопьер отмечал в «Записках»: «Полуобразованный и полудиккий гений, Потемкин наполнил мир своею славою» [цит. по: Г.А. Потемкин, 2002, с. 123].

Эта неизменно подчеркиваемая даже иностранцами необычность и исключительность Г. Потемкина впоследствии приведет к созданию так называемого «потемкинского фольклора», которым, как известно, интересовался А.С. Пушкин. В этом «фольклоре», образцы которого приводили в своих записках Д. Давыдов и П. Вяземский, было много непристойного, но много и героически-возвышенного. Можно сказать, что в этом фольклоре перед нами в полной мере предстает уже мифологизированный образ светлейшего, являющегося наиболее полным воплощением «золотого века» Екатерины Великой.

При этом русские авторы ревностно отстаивали честь Потемкина от покушений европейских писателей. Например, Д. Давыдов, саркастично комментируя иностранные мнения о Потемкине, изображающие его любовником-селадоном, пишет: «Этот селадон был почти трехаршинного росту... коего поступь и осанка были истинно гомерические!» [Давыдов, 1982, с. 291]. Образ гомерического героя не только соответствовал античному коду прочтения образа Потемкина, но и отражал традицию романтического моделирования его образа в новую литературную эпоху, выразителем которой являлся сам Д. Давыдов.

Мифологизация образа Светлейшего часто проявляла себя не только в высоких жанрах литературы, но и в мемуарно-автобиографических текстах. Так, в «Записках» С. Глинки, являющегося, так же как и Потемкин, уроженцем Смоленской губернии, Светлейший становится воплощением настоящего россиянина, недостатки которого являются продолжением его достоинств. Когда в Германии вышла книга о Г. Потемкине под заглавием «Князь тьмы», С. Глинка заявил: «Потемкин не был ни князем тьмы, ни ангелом света духовного мира; он был сыном России и трудился, и работал не для своего тщеславия» [Глинка, 2004, с. 18].

Рассказывая о вещах, которые в сатирических произведениях эпохи будут восприниматься в качестве обвинения в адрес Светлейшего, С. Глинка находит в них очарование романтической безмерности, что вообще было характерно для литературного мироощущения первой трети XIX века. «Он метил из гвардии в монастырь и попал в чертоги Екатерины, – пишет С. Глинка. В глубоком раздумье грыз он ногти, а для рассеяния чистил бриллианты... <...> Лакомя хана роскошью, выманил у него Крым. Выдумывал вместе с Пиком польские и контрадансы; дал Екатерине и двору ее такое празднество, какого не придумал бы и обладатель Алладиновой лампы» [Там же, с. 13].

Даже в необыкновенной смерти Светлейшего С. Глинка увидел проявление типично русской мифологемы странничества, которая не могла не потрясти воображения современников. Мемуарист завершил свой рассказ о Г. Потемкине такими словами: «И этот исполин... был странником: он жил бесприютно и умер в пустыне, на плаще, под сводом сумрачного неба октябрьского» [Там же, с. 18].

Величие Г. Потемкина как личности хорошо чувствовал Г. Державин, посвятивший ему свою оду «Победителю», написанную по случаю взятия Очакова 6 декабря 1788 года, образцом для которой послужил псалом 90.

В этом произведении звучит гимн человеческому величию, который заставляет вспомнить философию оды «Бог». Обращаясь к Потемкину, Г. Державин констатирует:

Как в зеркале, в тебе оставил
Сиянье он своих лучей.
Победами тебя прославил,
Число твоих прибавил дней <...>
Потемкин ты! С тобой, знать, Бог велик!
[Державин, 1864, с. 162].

Тем не менее, Г. Державин прекрасно представлял себе и другую, обратную сторону Светлейшего, добавив к высокому одическому образу «Победителя» Г. Потемкина сатирический образ героя «Вельможи», изнеженного сибарита, пресыщенного благами жизни, проводящего время в объятиях очередной Цирцеи в окружении толпы «несчастных просителей». Противопоставление порочному вельможе-фавориту добродетельного вельможи, прообразом для которого послужил «северный Камилл» П. Румянцев-Задунайский, победитель при Ларне и Кагуле во время русско-турецкой войны 1768–1771 годов, безусловно, свидетельствовало о том, что литературное осмысление образа фаворита как неперемennого атрибута гинекратического мифа постепенно вступает в новую стадию, когда одический мирообраз заменяется сатирическим.

Своеобразно выстраиваются у Державина отношения императрицы и ее фаворитов. Так, в оде «Фелица» Г. Потемкин выступает не только как щеголь и сибарит, чьи роскошества четко противопоставляются «честной частной жизни», которую ведет императрица, но и как... политический утопист. Как известно, Г. Потемкин всерьез задумывался об овладении Дарданеллами. По крайней мере, в своем «Мнении», написанном в 1783 году, он подробнейшим образом обсуждает вопрос об отправлении флота в Архипелаг в результате чего «все мы будем иметь свободу на Черном море» [Потемкин, 1878, с. 453].

И хотя Екатерина II часто поддерживала этот государственный утопизм своих подданных, ей было приятно осознавать, что все эти «химеры» связывались исключительно с именем Г. Потемкина, сама же она неизменно выступала в образе не только добродетельной, но и разумной правительницы.

Тем не менее, «развращение нравов», связанное с худшими проявлениями фаворитизма, неоднократно вызывало раздражение в русской сатирической литературе. Так, Н. Новиков в журнале «Городская и деревенская библиотека» за 1782 год напечатал цикл нравоучительных рассказов под названием «Пословицы российских». Среди этих пословиц, подбор которых дидактически заострен: «Близ царя, близ смерти», «Фортуна велика, да ума мало», «Век живи, век учись», есть такие, которые прямо связаны с гинекратическим мифом фаворитизма в указанном нами аспекте. Например, пословица «Седина в бороду, а бес в ребро» не могла не напомнить о начале «гаремного периода» екатерининского правления, когда стареющая императрица активно ищет молодых фаворитов, ради которых она готова пожертвовать государственной казной. Екатерина II могла легко узнать себе в новиковских старухах, которые за деньги покупают себе любовь «молодчиков». Интересно, что у Новикова еще в «Трутне» появлялось осуждение подобных женщин в жестких диалогах добродетельных персонажей: «Вопрос одного: “Кто она такова?” Ответ другого: “*Безумнова*”» [Новиков, 1983, с. 103]¹ (курсив мой. – Е.П.).

¹ Нельзя не заметить, что типаж старухи или даже женщины средних лет, покупающих за подарки ласки молодых щеголей, был очень распространен в сатирической журналистике второй половины XVIII века, отражая историческую реальность эпохи даже безот-

Сюжеты, предложенные Н. Новиковым, предваряют реальную драматическую историю, зафиксированную в «Памятных записках» статс-секретаря Екатерины II А. Храповицкого. В 1789 году красавец-фаворит А. Мамонов, три года занимающий «известную должность» и тяготясь своим положением, влюбляется в юную княжну Д. Щербатову и просит императрицу отпустить его от должности, позволив жениться на избраннице. У А. Храповицкого зафиксированы все драматические коллизии этих отношений со ссорами и слезами императрицы, пока автор не записывает слова Екатерины: «Бог с ним! Пусть будут счастливы... Я простила им и дозволила жениться» [Храповицкий, 1990, с. 195].

Примечательно, что у Н. Новикова жертвой подобной ситуации (молодчик сошелся с молодой девицей) всегда оказывается старуха. В жизни все оказывалось по-другому. Уже через год после женитьбы А. Мамонов попросился на старое место... фаворита Екатерины II, которое уже оказалось к этому времени занято.

По сравнению с Г. Потемкиным молодые фавориты Екатерины II действительно не были людьми, на которых можно было опереться в государственных и военных делах. Не случайно они часто рассматриваются в русском литературном сознании второй половины XVIII века через призму образов водяного пузыря или «шутих».

Очень примечательны в этом отношении «Записки» княгини Е. Дашковой, которая смотрит на феномен фаворитизма не столько с просветительской, как Н. Новиков, а с «аристократической» точки зрения. Ей, урожденной графине Воронцовой, принадлежащей по рождению к высшей аристократии империи, было нестерпимо видеть императрицу, окруженную малообразованными гвардейцами. Поэтому на страницах записок она объявляет фаворитам беспощадную войну, с истинным удовольствием описывая те «знаки презрения», которые она им демонстрирует. Наиболее ярким эпизодом в этом ряду может считаться сцена столкновения Е. Дашковой с молодым тщеславным фаворитом императрицы А. Ланским, обвиняющем ее в том, что в отчетах, присылаемых Академией наук о путешествии императрицы на юг России нет его имени. В ответ на эти тщеславные претензии Е. Дашкова разражается гневной тирадой, противопоставляя лицо, «движимое только честностью и ставящее целью своей службы исключительно благо страны», водным пузырям, «которые лопаются на его глазах» [Дашкова, 1985, с. 163]. К этим словам Е. Дашкова дает последующий иронический комментарий: «Эти слова оказались пророческими: через год, летом, Ланской умер и в буквальном смысле лопнул: у него лопнул живот» [Там же]. Хотя Е. Дашкова в «Записках» чаще всего одерживает победы над фаворитами, сама необходимость этой постоянной и упорной борьбы может быть рассмотрена как молчаливый упрек Екатерине II со стороны женщины, больше всех способствующей ее восшествию на престол.

Механизм превращения молодого ловкого дворянина в «великого господина» прекрасно показал в своей комедии «Хвостун» Я. Княжнин.

Его Верховлета вполне можно наградить званием не только хвостуна, но Лжефаворита. Драматург, прекрасно знавший придворные нравы, рисует в комедии вполне правдоподобную ситуацию, с тем лишь исключением, что его герой в действительности не является тем человеком, который мог бы осуществить все свои грандиозные обещания. Например, сделать своего дядю сенатором на основе факта их простого родства. То есть Верховлет не является новым молодым фаворитом императрицы, каким был, к примеру, тот же А. Ланской.

носителю к историческому образу Екатерины II. В литературе XIX века подобный сюжет как предмет для сатирического осмеяния практически невозможен, он нетипичен, так как в качестве объекта любви можно было представить в крайней случае женщину «бальзаковского возраста».

Однако герой комедии живет в мире, где «Фортуны только раз поймать бы за тупей, А там, что хочешь, все уж сделаешь из ней» [Княжнин, 1991, с. 206].

На первый взгляд, Верхолет, в соответствии со своей фамилией, высоко взлетел при дворе. Так, вернувшись «из дворца», лжефаворит просит поздравить его с тем, что он «так... ничего... я граф» [Княжнин, 1991, с. 167]. Впоследствии, войдя в роль временщика, Верхолет будет спрашивать своего слугу Полиста: «Отправил ли мои ты письма к королям?» [Там же, с. 192]. А чтобы произошедшая с Верхолетом метаморфоза казалась еще более очевидной на вербальном уровне, автор заставляет Полиста признаться, что фортуна «превратила нас из черепах в *орлов*» [Там же, с. 174]. Намек на первого могучего фаворита Екатерины II тут более чем очевиден.

Особое место в ряду фаворитов императрицы занимал Платон Зубов, единственный из любимцев императрицы, кому удалось пережить ее, оставаясь на своей должности. Одновременно с этим он был наименее достойным из ее избранников, карьера которого по сути дела подводила черту под гинекратическим изводом феномена русского фаворитизма.

Не случайно практически все отзывы о П. Зубове отличаются пренебрежительностью. Например, А.В. Храповицкий, которому пришлось повидать многих фаворитов императрицы, 17 октября 1791 года буквально через несколько дней после получения известия о смерти Светлейшего называет его «дуралеюшка Зубов», который, радуясь в душе, избавлению от могучего соперника, требует, чтобы все указы к подписанию «присылать к себе» [Храповицкий, 1990, с. 252]. В результате «шум, неудовольствие, жалоба на дело сумасшедшее» [Там же, с. 252]. Прусский посланник Г. фон Гельбиг отмечал: «Его внешний вид был также мало представителен, как и его способности... <...> ...маленький, слабенький на вид человек, носивший... имя великого Платона» [Гельбиг, 1886, с. 426]. Тем не менее, «вскоре... он достиг такого значения, что стал главным двигателем русской государственной машины» [Там же, с. 427]. Подобное обстоятельство не могло не вызвать неудовольствия в русском обществе. Не случайно такую большую популярность приобрел анекдот о больном потемкинском «зубе» (от «Зубов». – *Е.П.*), который надо «вырвать» в Петербурге. С. Глинка писал о Г. Потемкине: «Грозился вырвать в Петербурге зуб, т.е. сбить князя Зубова» [Глинка, 2004, с. 13].

П. Зубов повторял худшие черты Г. Потемкина, не обладая его достоинствами. Именно это обстоятельство сделало последнего фаворита императрицы объектом сатирических выпадов Г. Державина. Поэт в оде «На умеренность» специально подчеркивает, что П. Зубов стал впереди «через шашни Фортуны» [Державин, 1957, с. 193]. Поэт дает последнему любимцу Екатерины весьма дерзкий совет: «Не сплошь спускай златых змей с башни / И, глядя в небо, не пади; / Держись лучше середины / И ближнему добро твори» [Там же, с. 193].

Тем не менее, кульминацией и завершением гинекратического культурного мифа фаворитов в жанре высокой оды можно считать оду «На кончину г<рафа> Орлова». Ода была написана в 1796 году в связи со смертью одного из пяти графов Орловых – Федора, участника Чесменского боя, прославленного М. Херасковым в одноименной поэме. В отличие от своих знаменитых братьев – Григория и Алексея – Федор выглядел достаточно малозначительной фигурой. Но его смерть в совсем еще не старом возрасте, произошедшая в один год со смертью императрицы, позволила Г. Державину подвести поэтический итог «золотому веку» Екатерины II.

В произведении в полной мере оказывается востребованной поэтическая мифология стиля «грандиозари», в соответствии с которой императрице положено быть Минервой, а ее вельможам-фаворитам орлами.

...Орел из стаи той высокой,
Котора в воздухе плыла
Впреди Минервы светлоокой,
Когда она с Олимпа шла;
Орел, который над Чесмою
Пред флотом россиян летал...
[Державин, 1957, с. 238].

Екатерининский «орел» наделяется в оде всеми чертами идеального героя классицизма, у которого «быстры всезрящи очи / И грудь, отважности полна» [Там же, с. 238].

Ода завершается фразой «осталась слава лишь одна», которая перекликается с высказанным впоследствии в «Афинейском витязе» утверждении, что век Екатерины II и ее «орлов» был золотым веком русской истории и культуры. Это было время, когда «бодрый дух молодой» императрицы «садил в Афинах сад прелестный, / И век катился золотой» [Там же, с. 241].

Официально эпоху гинекратического фаворитизма завершило вступление на престол императора Павла I. С этого момента фаворитизм с России принимает более традиционные европейские черты, фавориткой становится женщина, чья тайная власть над императором перестает быть предметом литературного осмысления. Последней женщиной эпохи Просвещения, принадлежащей к императорской фамилии, и таящей в себе возможности реализации гинекратического мифа, являлась дочь Павла I Екатерина, будущая королева Вюртембергская, – женщина умная, образованная, с сильным характером, отличающаяся высоким патриотизмом. Ее переписка с Н.М. Карамзиным во время Отечественной войны 1812 года по своей тональности, по накалу высокого патриотического чувства очень напоминает гордые монологи Полины из пушкинского «Рославлева», знак их общей принадлежности к мифориторической культуре (термин А. Михайлова), которая в России прошла под знаком ожидания Фелицы.

Литература

- Большаков Л.Н. Возвращение из прошлого. Киев, 1988.
- Вагеманс Э. К истории русской политической мысли. М.М. Щербатов и его «Путешествие в землю Офирскую» // Русская литература. 1989. № 4.
- Валишевский К. Роман императрицы. М., 1994.
- Г.А. Потемкин. От вахмистра до фельдмаршала. Воспоминания. Дневники. Письма: В 2 кн. СПб., 2002. Кн. 1.
- Гельбиг Г., фон. Русские избранники и случайные люди // Русский архив, 1886. Т. 56.
- Герцен А.И. Полн. собр. соч.: В 30 т. М., 1854–1965. Т. 13. М., 1958.
- Глинка С.Н. Записки. М., 2004.
- Давыдов Д.В. Военные записки. М., 1982
- Дашкова Е.Р. Записки. 1763–1810. Л., 1985.
- Державин Г.Р. Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота: В 9 т., СПб., 1864–1884. Т. 1. СПб., 1864.
- Державин Г.Р. Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота: в 9 т. СПб., 1864–1884. Т. 3. СПб., 1870.
- Державин Г.Р. Стихотворения. Л., 1957.
- Екатерина II. Письма к И. Циммерману // Русская старина. 1887. Т. 55. № 7.
- Княжнин Я.Б. Избранное. М., 1991.

- Массон Ш. Секретные записки о России, и в частности, о конце царствования Екатерины II и Правления Павла. М., 1996.
- Новиков Н. Избранное. М., 1983.
- Потемкин Г.А. Мнение князя Потемкина об овладении Дарданеллами // Русская старина. 1878. Т. 22.
- Смолянинова Т.Е. Придворная культура в век Екатерины II // *Studia culturae*. СПб., 2002. Вып. 2.
- Строев А.Ф. «Те, кто исправляет Форуну». Авантюристы Просвещения. М., 1998.
- Философская и политическая переписка императрицы Екатерины Второй с Вольтером, продолжавшаяся с 1763 по 1778 г., М., 1802. Ч. 1.
- Херасков М.М. Чесмесский бой // Херасков М.М. Избранные произведения. Л., 1961.
- Храповицкий А.В. Памятные записки А.В. Храповицкого, статс-секретаря императрицы Екатерины Второй. М., 1990.
- Чайковская О. «Как любопытный скиф...» // Русский портрет и мемуаристика второй половины XVIII века. М., 1990.
- Щербатов М.М. О повреждении нравов в России. М., 1983.
- Энгельгардт Л. Записки. М., 1997.